

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 24–32.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 2 (87):24–32.

Научная статья

УДК 94(47).084.5

DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.003

К вопросу о контроле правильности установления и выплаты персональных пенсий в РСФСР в 1920-х годах

Ольга Владимировна Капустина

Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации
по Владимирской области, Владимир, Россия
olga.kapustina209@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время поднимается вопрос о возможности возврата персонального пенсионного обеспечения, однако при его обсуждении со ссылкой на опыт прошлого возникают споры о законодательном субъективизме, а также о произволе и бесконтрольности при назначении таковых пенсий. Соответственно, автором поставлена задача проанализировать процедуру установления российских персональных пенсий республиканского значения в 1920-х годах с целью определения механизма контроля за соблюдением законности в данной области в период становления указанного вида пенсионного обеспечения.

В качестве исторических источников использованы пенсионные дела и личные карты персональных пенсионеров, материалы переписки Народного Комиссариата Социального Обеспечения (НКСО) РСФСР с подведомственными отделами социального обеспечения, а также нормативные акты, характеризующие законодательную основу системы персонального пенсионирования (декреты Совета Народных Комиссаров РСФСР, циркуляры российских наркоматов труда и социального обеспечения).

Признавая факт законодательного субъективизма, автором установлено, что назначение каждой российской республиканской персональной пенсии являлось результатом прохождения трехуровневого коллективного обсуждения на местном и центральном уровнях, а также в Комиссии по назначению персональных пенсий при НКСО РСФСР. Дальнейшая выплата пенсии сопровождалась проведением плановых ревизий и внеочередных проверок, в том числе инициированных на основании писем «доброжелателей», как подписанных, так и анонимных, в результате чего вновь анализировались заслуги персонального пенсионера, а также его семейное и имущественное положение. Итогом проведения данных контрольных мероприятий могло стать лишение пенсии, перевод на другой, менее престижный, вид пенсии, изменение ее размера.

Ключевые слова: внеочередная проверка, заслуги перед государством, обследование имущественного и семейного положения, персональное пенсионное обеспечение, плановая ревизия, размер пенсии, ходатайство о назначении пенсии.

Для цитирования: Капустина О. В. К вопросу о контроле правильности установления и выплаты персональных пенсий в РСФСР в 1920-х годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 24–32. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.003.

Original article

Auditing in awarding and payment of personal pensions in RSFSR in the 1920s

Olga Vladimirovna Kapustina

Vladimir Region Branch of Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation,
Vladimir, Russia
olga.kapustina209@yandex.ru

© Капустина О. В., 2025

Abstract. Currently, some authors are discussing the possibility of a return of personal/merit pensions. However, when this is discussed with reference to the experience of the past, disputes arise about legislative subjectivism, as well as about arbitrariness and uncontrolledness. disputes about legislative subjectivism, as well as arbitrariness and uncontrollability in granting such pensions. With this consideration, the paper analyzes the procedure for awarding Russian personal pensions of republican significance in the 1920s, in order to determine the mechanism of control over the observance of the law in this area in the 1920s.

The historical sources used include pension case files and personal cards of personal pensioners, materials of correspondence between the People's Commissariat for Social Security (PCSS) of the RSFSR and subordinate social security departments, as well as normative acts describing the legislative basis of the personal pension system (decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR, circulars of the Russian Commissars of Labor and Social Security).

While acknowledging the fact of legislative subjectivity, the author found that the award of each Russian republican personal pension was the result of a three-level collective discussion at the local and central levels, as well as in the Commission for Appointment of Personal Pensions under the RF PCSS. Further payment of the pension was accompanied by regular audits and extraordinary inspections, including those initiated on the basis of letters of 'well-wishers,' either signed or anonymous, as a result of which the merits of the personal pensioner, as well as his family and property status were subject to new examination. The result of these control measures could be cancellation of pension, transfer to another, less prestigious type of pension, or change of its amount.

Keywords: extraordinary audit, merits before the state, property and family status examination, personal pension provision, scheduled audit, pension amount, application for awarding a pension.

For citation: Kapustina O. V. Auditing in awarding and payment of personal pensions in RSFSR in the 1920s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 2 (87):7–19. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.003.

Введение

В настоящее время ученые обращают внимание на обсуждение возможности ввода персонального пенсионного обеспечения [Осипов, Осипова, 2012], однако в ходе полемики со ссылкой на опыт прошлого всегда звучит тезис об отсутствии объективности при их установлении. Действительно, советское персональное пенсионное обеспечение, предоставлявшееся в РСФСР выдающимся гражданам за исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, во многом носило субъективный характер («Субъективизм — произвол законодателя, который вводит в закон норму, основываясь не на результатах правильно организованного познавательного процесса, а на своих предпочтениях» [Барабаш, 2018]). Это так или иначе подчеркивают ученые, занимающиеся исследованием особенностей развития системы пенсионного обеспечения в СССР. С советским специалистом, в 1968 году высказавшим мнение о том, что «законодательство не предусматривает объективных критериев, определяющих какие именно заслуги должны считаться особыми или выдающимися для установления персональной пенсии тому или иному лицу» [Карцхия, 1968, с. 68], согласен наш современник, отметивший, что «сам термин “особые заслуги” и “заслуги” был достаточно неопределенным» [Сивакова, 2021, с. 84].

Со стороны обывателя наличие элементов субъективизма при предоставлении права на персональное пенсионное обеспечение обычно ассоциируется с произволом и бесконтрольностью органов власти. Однако это не совсем так: при установлении персональных пенсий и в процессе их дальнейшей выплаты заслуги претендентов, позволяющие получать более значительные по сравнению с другими категориями пенсионеров денежные суммы и прилагающийся к ним пакет льгот, а также учитываемое при определении размеров пенсий имущественное и семейное положение подвергались неоднократным проверкам. Соответственно, задачей нашего исследования является выявление механизма контроля, используемого при назначении российских республиканских персональных пенсий в 1920-х годах, то есть в период начала строительства соответствующей пенсионной системы. Н. Н. Федосеева справедливо подчеркивает: «...контрольную функцию необходимо понимать как направление деятельности по установлению фактического соответствия реализации социальных норм (прежде всего правовых) и сдерживанию выявленных отклонений» [Федосеева, 2010].

Система российского республиканского персонального пенсионного обеспечения как часть системы советских привилегий [Мэтьюз, 1992, с. 58] стала создаваться в советском государстве с февраля 1923 года на основании Декрета Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» [О персональных ... , 1923]. Впрочем, первые декреты о пенсиях за особые заслуги перед Республикой, еще не названных персональными, были изданы в 1920 и 1921 годах [О пенсиях лицам ... , 1920 ; Об усиленных ... , 1921]. Поэтому М. С. Братановская сделала вывод о появлении института персональных пенсий в период Гражданской войны [Братановская, 2010, с. 7]. С 1928 года параллельно с республиканской начала строиться общесоюзная система персонального обеспечения [О персональных ... , 1928]. Соответственно, в сфере нашего внимания находятся российские персональные пенсии республиканского значения, назначенные в период с 1923 по 1928 год, то есть до ввода в действие общесоюзного законодательства.

Основные источники — пенсионные дела и личные карты российских персональных пенсионеров республиканского значения, материалы переписки Народного Комиссариата Социального Обеспечения (НКСО, Наркомсобес) РСФСР с подведомственными отделами социального обеспечения (собесами), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и в ГБУВО «Государственный архив Владимирской области» (ГБУВО ГАВО). Также в работе проанализированы нормативные акты (Декреты СНК РСФСР, Циркуляры НКСО РСФСР и Народного Комиссариата Труда РСФСР (НКТ РСФСР)), характеризующие законодательную основу установления и выплаты персональных пенсий в заявленный период.

Основная часть

Прежде чем перейти к анализу персонального пенсионного обеспечения, необходимо отметить, что советская пенсионная система первого десятилетия советской власти создавалась в соответствии с первоочередными государственными приоритетами. Основными видами пенсий этого периода являлись пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца. Третий вид — пенсии за выслугу лет, которые назначались: с 1924 года — преподавателям вузов и научным работникам, иначе эти пенсии называли академическими [Положение о научных ... , 1924], с 1925 года — учителям школ 1 ступени (начальные классы), педагогическому персоналу детских домов, руководителям изб-читален и библиотекарям [О пенсионном ... , 1925]. Пенсий по старости в исследуемый период не существовало. Первые пенсии этого вида были введены для престарелых текстильщиков в 1928 году, в первой половине 1930-х годов распространены на обеспечивающих индустриализацию рабочих, а с 1937 года — на служащих.

Исследуемые нами персональные пенсии назначались на основании Декрета СНК РСФСР от 16 февраля 1923 года лицам, имевшим исключительные заслуги перед Республикой в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. В случае их смерти семьям полагалось: при одном нетрудоспособном — половина, при двух — две трети, при трех и более — полная пенсия, которую получил или мог бы получить умерший. По данным наркома социального обеспечения И. А. Наговицына (1926–1937), в РСФСР в 1927–1928 годах при общей численности пенсионеров, достигавшей 240000 единиц, персональными являлись всего 7000 [Наговицын, 1928], то есть менее 3 %.

Основной этап контроля, на котором заслуги претендента подвергались всестороннему анализу, являлся этапом рассмотрения ходатайства об установлении персональной пенсии и, в свою очередь, включал три ступени проверки, определенные Циркуляром НКТ СССР от 26 октября 1923 года «О порядке возбуждения местными органами и учреждениями ходатайств о назначении персональных пенсий и единовременных пособий» [О порядке возбуждения ... , 1923]. Первоначально достижения соискателя изучались местными органами и учреждениями. В случае вынесения положительного решения их заключения вместе с материалами, содержащими характеристику заслуг, направлялись в центральные учреждения: по профессиональной линии — профсоюзами через Центральный Комитет соответствующего союза во Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), по партийной линии — губкомами в Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии /большевиков/ (ЦК РКП(б)/), по заслугам в области науки, искусства и техники — в соответствующие наркоматы. По результатам

повторного обсуждения заключения уже центрального учреждения поступали в Комиссию при НКСО РСФСР по назначению персональных пенсий для вынесения окончательного решения. На практике это означало, что дело заслуженного медицинского работника сначала рассматривалось в губернском отделе здравоохранения, затем передавалось в Наркомздрав РСФСР и уже оттуда пересылалось в Комиссию при российском Наркомсобесе. Среди основных ходатаев перед НКСО РСФСР выступали Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), ВЦСПС, Революционный Военный Совет (РВС), Наркомат просвещения, Наркомат здравоохранения и Общество политкаторжан.

Обсуждение предполагало рассмотрение заслуг соискателей в соответствии с приоритетами, обусловленными как общими требованиями времени (политической конъюнктурой), так и местными реалиями. Также не следует забывать, что при вынесении положительных решений о соответствии заслуг претендентов нормам законодательства, кроме мнений государственных органов и общественных организаций, выступающих в роли официальных ходатаев, принимались во внимание доводы и характеристики от известных деятелей культуры и искусства, партийных и советских руководителей всех уровней. Во многих пенсионных делах имеются личные ходатайства от высокопоставленных лиц, подтверждающие достижения будущих пенсионеров. Ходатаями были К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, А. М. Горький, В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский. Учитывались и сведения следующего содержания: о претенденте Г. «тов. Енукидзе пишет, что его знал т. Сталин как видного подпольного работника на Кавказе» [ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]; мать революционера-бундовца Т. сообщала: «...из товарищей, которые бывали у нас я помню <...> Горького» [ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 4234. Л. 10].

В сложных ситуациях ходатайствующие органы обращались в НКСО РСФСР за предварительной оценкой имеющихся документов. Для изучения таких вопросов привлекались консультанты — компетентные юристы. Так, учительнице с большим дореволюционным педагогическим стажем, после 1917 года работавшей ликвидатором неграмотности и инструктором Отдела Народного образования, в 1925 году было отказано в назначении пенсии за выслугу лет из-за несоответствия ее должностей формальным требованиям законодательства. Однако, учитывая ее заслуги на ниве народного просвещения, губернские органы составили ходатайство о назначении ей более статусной персональной пенсии. В заключении консультанта Виноградова (инициалы не указаны. — О. К.) читаем: «...принимая во внимание ее долголетнюю службу до Октябрьской Революции учительницей в деревне, что после Октябрьской Революции она продолжала служить делу народного образования и потеряла на службе 85 % трудоспособности, что о предоставлении ей пенсии ходатайствуют Владимирский Губисполком и Президиум ВЦИК, полагал бы, постановление Президиума ВЦИК о назначении пенсии гр. Б. — в изъятие из существующих законоположений — утвердить» [ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 31. Д. 260. Л. 2].

После одобрения на ведомственном уровне (губернском и республиканском) и получения в необходимых случаях заключений консультантов документы претендентов рассматривались уже на заседаниях Комиссии при НКСО РСФСР по назначению персональных пенсий, решения которой считались окончательными. В качестве примера можно привести Протокол № 1 заседания Комиссии от 12 января 1925 года [ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–6], в состав которой входили от НКСО (Бурдуков — председатель), от ЦК РКП/б/ (Андреев), от ВЦСПС (Рыско) и от НКТ (Фейгель). Слушали докладчиков от Наркомпроса, Наркомздрава, РВС и Общества политкаторжан. Положительные решения вынесли по 69 первичным ходатайствам. Пятерым претендентам отказали, двоим предложили обратиться за академическими пенсиями, которые назначались научным работникам, однако, по сравнению с персональными, имели более низкий статус. Конечно, столь значительное количество дел за один день трудно проанализировать со всех сторон, но по результатам работы комиссии видно, что индивидуальный подход был.

И все же, несмотря на наличие при установлении пенсии трехкратного коллективного обсуждения заслуг претендентов, вскоре стало понятно, что среди получателей персональных пенсий оказались те, чей вклад в развитие науки, культуры или революционного движения был недостаточным для приобретения статуса персонального пенсионера республиканского значения. Иногда заслуги оказывались весьма сомнительными. Встречались среди персональных пенсионеров и мошенники. Поэтому в НКСО РСФСР ввели практику периодических плановых ревизий вновь установленных пенсий.

Первые мероприятия по перепроверке всех назначенных дел провели уже в 1924 году, для чего при российском Наркомсобесе создали Комиссию по пересмотру дел персональных пенсионеров. Насколько стало понятно из анализа писем, разосланных в губернские собесы, все выплаты пенсий временно прекратили до особых распоряжений. По результатам работы московских контролеров в губернские органы социального обеспечения рассылались однотипные письма, разрешающие выплату персональных пенсий лицам, чьи заслуги оказались подтвержденными. Например, во Владимирский губернский отдел социального обеспечения 24 ноября 1924 года поступило письмо следующего содержания: «Владимирскому губсобесу. Препровождая при сем список лиц, за которыми комиссией по пересмотру дел персональных пенсионеров признано право на получение пенсий в указанном списке размере, Наркомсобес предлагает произвести выплату персональных пенсий за ноябрь месяц... <...> ...Выплату персональных пенсий за ноябрь месяц надлежит произвести лишь исключительно пенсионерам, которые включены в препровожденный при сем список. Выплачивать персональные пенсии прочим пенсионерам, не внесенным в указанный список, а равно выдавать им авансы в счет пенсий категорически воспрещается» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 1. Д. 320. Л. 33]. Иногда проверки затягивались. В частности, К. М. Салтыков, сын писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, в марте 1925 года писал друзьям: «...очутился в прескверном положении. Вот уже 4 месяца, как я не получаю пенсии. Ее пересматривают и пересмотреть не могут. Вот и бьюсь как рыба об лед» [Салтыков, 2016, с. 81].

По итогам проделанной работы 21 февраля 1925 года НКТ РСФСР и НКСО РСФСР издали совместный циркуляр «О порядке урегулирования расчетов с лицами, получающими персональные пенсии на основании постановления СНК от 16 февраля 1923 г.» [О порядке урегулирования ... , 1925], на основании которого часть персональных пенсионеров была переведена на пенсии других видов, выплачиваемых в значительно меньших размерах. Моментом фактического закрытия таких персональных пенсий определили 1 марта 1925 года. Для сравнения: по данным наркома НКСО РСФСР И. А. Наговицына, средние нормы ежемесячных пенсий по инвалидности второй группы на 1 апреля 1927 года составляли 14 руб. 37 коп., по случаю потери кормильца для семей военнослужащих — 14 руб. 21 коп. При этом средняя норма персональных пенсий равнялась 55 руб. [Наговицын, 1928].

Кроме переводов на другие виды, результатом повторных проверок становились отказы в продолжении выплаты пенсии. В частности, закрыли дело следующего «пламенного революционера»: «в 1905 г. вступил в партию эсеров и организацию хутора Романовского Кубанской обл. и работал в подполье. 19 октября 1905 г. поднял знамя “Земля и воля трудовому народу”, с которым пошел по улице и пением революционных песен. Продержали в тюрьме его более 20 дней, отправили в Ростов, где вручили документ без права поступления на работу, с выселением на Дальний Восток, получив проездные документы, он их продал за 20 рублей, а сам остался здесь и все время скрывался до свержения Николая II. Узнав о существовании партии РКП(б) и ознакомившись с программой, он в 1918 г. оставил партию эсеров и вступил в партию РКП(б)» [ГАРФ. Ф. А413. Оп. 7. Д. 20. Л. 1]. С 1 июля 1926 года этому «товарищу» назначили пенсию в размере 40 руб., а с марта следующего, 1927 года, уже сняли с пенсии «согласно опровергающим материалам его биографии» [ГАРФ. Ф. А413. Оп. 7. Д. 20. Л. 1].

Более интересный факт выявили во Владимирской губернии. Гражданке Д. в 1924 году установили пенсию как активной участнице Гражданской войны, политруку эскадрона Кавдивизии № 9. Согласно предоставленным ею документам, она была дважды тяжело ранена в боях и награждена Орденом Красного Знамени. Контролеры НКСО выяснили, что документы на орден фальшивы. Более того, вскрылись факты мошенничества Д. и в годы Гражданской войны. В 1925 году выплату пенсии прекратили, дело передали в прокуратуру [ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 477. Л. 1–12].

Случались ошибки, связанные с человеческим фактором: учитель Иван Иванович М. получал персональную пенсию в размере 25 руб. Позже выяснилось, что персональную пенсию Комиссия НКСО РСФСР назначила Александру Ивановичу М., но Владимирский губсобес перепутал адресатов [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 267. Л. 30]. Документы оставшегося без материальной поддержки педагога были направлены в губернские органы просвещения для рассмотрения возможности назначения ему пенсии за выслугу лет.

Выявлялись и нарушения, обусловленные особенностями функционирования пенсионных органов. В период с 1921 по 1937 год в РСФСР параллельно существовали две пенсионные системы, обеспечивающие советских граждан, не являвшихся профессиональными военнослужащими.

Пенсии персональным пенсионерам (в случае их смерти — членам их семей) выплачивались органами социального обеспечения. Инвалидам труда и их иждивенцам, а также получателям пенсий за выслугу лет деньги поступали из бюджета социального страхования через страховые кассы. Классическая ситуация: школьная работница с многолетним педагогическим стажем получала две пенсии — первую, персональную в размере сначала 25, а потом — 30 руб. с 1923 года через губсобес и вторую, после 1925 года, за выслугу лет в размере 20 руб. в страхкассе. В итоге ей оставили только педагогическую пенсию [ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 246. Л. 3]. Нужно заметить, что престарелая учительница думала, что пенсии ей выплачивались правомерно.

В дальнейшем проверки заслуг продолжались. Так, согласно «Объяснительной записке за 1938 г. к отчету Наркомсобеса РСФСР по Государственному бюджету», первоначально на выплату персональных пенсий было заявлено 50990,5 тыс. руб. при среднегодовом контингенте 19460 человек. Однако фактически использовано только 44671,7 тыс. руб. при среднем контингенте 18330. Неиспользование средств в документе объяснялось незначительным фактическим приростом контингента и произведенной проверкой состава пенсионеров [ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об., 12].

Наряду с проверками «качества» заслуг получателей персональных пенсий, опять-таки в соответствии с Циркуляром от 21 февраля 1925 года, органами социального обеспечения осуществлялись периодические обследования их имущественного и семейного положения, целью которых было выявление изменения количества иждивенцев заслуженных граждан и наличия у получателей дополнительных доходов, способных изменить размер пенсионного обеспечения. По итогам выхода на место жительства пенсионера сотрудник собеса составлял акт, в котором фиксировал материальное состояние получателя пенсии и обнаруженные нарушения.

Заслуживают внимания описания имущественного положения получателей персональных пенсий (представителей самой элитной категории советских пенсионеров), сделанные в исследуемый период посетившими их сотрудниками Владимирского губсобеса. О дочери народовольца В. Н. Шаганова в Акте обследования записано следующее: «...живет на квартире в общей комнате, обстановки никакой, кроме одной койки, двух стульев и двух маленьких столов. Из одежды кроме одного пальто и одной смены ничего нет. Из посуды кроме необходимых вещей домашнего обихода ничего не имеется. Живет в самом критическом состоянии» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 262. Л. 9]. Оработавший 42 года с детьми-сиротами бывший инструктор учебно-слесарных мастерских оказался более состоятельным, так как имел «1 комод, 6 венских стульев, 1 гардероб, стол, 2 кровати, 1 шв. машинка, 1 самовар. Больше обстановки нет кроме кухонной посуды. Живет на квартире, имеет 1 козу» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 266. Л. 3]. У отца погибшего от рук бандитов комиссара был «дом 9 x 12, двор, сарай... <...> ...самовар, три табуретки, стол, часы, маленький ящик для посуды, один сундучок маленький для белья, скота не имеется. Дом требует капитального ремонта» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 269. Л. 7]. У больного туберкулезом, изувеченного бандитами красноармейца также были в наличии «дом с двором ветхий» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 257. Л. 9]. Про учительницу с 45-летним педагогическим стажем записали: «Ничего из имущества не имеет» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 279. Л. 3].

Тем не менее подобные проверки приносили свои плоды. Обследовав хозяйство матери двух детей — вдовы убитого бандитами продкомиссара, представители собеса установили, что у нее есть «дом, сарай, корова, необходимая домашняя утварь» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 268. Л. 3] и, что самое главное, заработок. В результате размер ежемесячной пенсии уменьшили с 25 до 15 руб. Также была уменьшена с 30 до 20 руб. пенсия вдовы с двумя детьми погибшего в боях с деникинцами партийца: «...ввиду имеющихся трудоспособных работников и имеющегося заработка» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 261. Л. 6]. Иногда обследование материально-бытового положения приводило к противоположным результатам. 15 сентября 1925 года работник Московского собеса вышел к сестре драматурга А.Н. Островского Марии Николаевне с проверкой, по итогам которой сделал следующее заключение: «...пенсионерка 1846 г. рожд. проживает совместно с приемной дочерью — школьной работницей, соразмерно заработка которой взимается квартирная плата. Проживают в 2-х комнатах, из которых одна совершенно темная, обстановка ниже средней» [ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 11.]. В ноябре 1925 года размер пенсии М. Н. Островской увеличили с 25 до 40 руб.

Далее нужно рассмотреть примеры внеплановых (внеочередных) обследований материального обеспечения получателей персональных пенсий. Дополнением к системе государственного контроля служила бдительность советских граждан, сообщавших в компетентные органы

о замеченных нарушениях законодательства. В материалах пенсионного дела гражданина Ф. имеется письмо от 4 октября 1926 года следующего содержания: «Вторично довожу до вашего сведения, что Ф., проживающий по ул. Новая Слободка, 28, инвалид 2-ой группы получает две пенсии. Первую получает из 13 рублей в райстрахкассе и вторую за сына 30 рублей в губсобесе. Всего 43 рубля. Плюс к этому занимается на дому сапожным мастерством, и жена торгует на базаре... позорит Советскую власть» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166, Оп. 2. Д. 306. Л. 4]. Сотрудники губсобеса выяснили: «Занимается сапожничеством. Зарплата до 35 рублей в месяц. Жена занимается торговлей зеленью на базаре» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166, Оп. 2. Д. 306. Л. 9]. Следует иметь в виду, что подписанный к опубликованию 25 апреля 1923 года Циркуляр НКТ РСФСР № 166/41 разъяснял всем Губ/Обл/Управлениям социального страхования и всем страховым кассам (территориальным и транспортным), что «права на пенсию вообще не имеют инвалиды труда и семьи трудящихся, потерявшие кормильца, если они имеют какой-либо промысел или хозяйство, с применением наемного труда, или свою торговлю» [ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 2. Д. 16. Л. 287]. Поэтому выплату страховой пенсии прекратили. Как получатель персональной пенсии за заслуги сына гражданин Ф. числился в Списке персональных пенсионеров за 1927 год [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 210. Л. 6 об. — 7].

Следующий пример касается профработника К., потерявшего трудоспособность на фронтах. Третьего июля 1926 года в Губернский отдел социального обеспечения поступило заявление от бдительного гражданина П., сообщившего следующее: «Прошу обратить внимание на инвалида <...> который получает пенсию 45 рублей и кроме этого имеет побочный заработок т.к. занимает должность завхоза при Боголюбовском монастыре» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 254. Л. 41] (в монастыре работал музей). На основании отношения Губсобеса № 5225 от 5 августа 1926 года было проведено обследование имущественного положения гр. К. «проживающего в Боголюбовском монастыре, при чем оказалось следующее. Гражданин К. связи с землей потерял, стройки никакой не имеет, скота нет. Имеет велосипед, который <...> является подарком как герою Революции. Домашней утвари не имеется. 2 стола, 2 стула. Остальная квартирная обстановка принадлежит губмузею. Больше имущества никакого гр. К. не имеет» [ГБУВО ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 254. Л. 43]. Бывший профсоюзный работник продолжил получать персональную пенсию.

Заключение

Подводя общие итоги, необходимо подтвердить наличие субъективизма при определении заслуг претендентов: у каждой комиссии были свои предпочтения. Также комиссии в той или иной степени учитывали личные мнения и пожелания высокопоставленных ходатаев, заинтересованных в материальном обеспечении своих протекже. В результате пенсионное обеспечение могло быть предоставлено лицам, заслуги которых не являлись выдающимися или исключительными. Достаточно вспомнить «пламенного революционера» из Кубанской области.

Тем не менее наличие субъективного фактора не означало бесконтрольности при назначении персональных пенсий. Установление каждой российской республиканской персональной пенсии являлось результатом прохождения трехуровневого коллективного обсуждения на местном и центральном уровнях, а также в Комиссии по назначению персональных пенсий при НКСО РСФСР. Дальнейшая выплата пенсии сопровождалась проведением плановых ревизий, в ходе которых вновь рассматривались заслуги персонального пенсионера, подтверждались достоверность его наград, а также обследовалось семейное и имущественное положение. Осуществлению периодических проверок персональных пенсий способствовало их небольшое количество (3 % от общей численности в 1927–1928 годах). Во всей Владимирской губернии до вхождения ее в Ивановскую промышленную область в период с 1923 по 1928 год общее количество установленных пенсий не превысило 70.

Кроме первичного анализа заслуг претендентов и последующих плановых ревизий механизм контроля персональных пенсий допускал возможность внеочередных проверок, в том числе инициированных на основании писем «доброжелателей», как подписанных, так и анонимных.

Итогом проведения контрольных мероприятий могло стать лишение пенсии, перевод на другой, менее престижный, вид пенсии, изменение ее размера.

Список источников

1. Барабаш А. С. Место и роль принципа в российском уголовном процессе // Российский юридический журнал. — 2018. — № 2. — С. 68–84.
2. Братановская М. С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в довоенный период (1918–1941 гг.) // История государства и права. — 2010. — № 19. — С. 5–9.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. А413. — Оп. 1. — Д. 5 ; Ф. А413. — Оп. 7. — Д. 20 ; Ф. А539. — Оп. 3. — Д. 246, 304, 477, 4234 ; Ф. А539. — Оп. 5. — Д. 33 ; Ф. Р3316. — Оп. 31. — Д. 260 ; Ф. Р5528. — Оп. 1. — Д. 2 ; Ф. Р5528. — Оп. 2. — Д. 16.
4. Государственный архив Владимирской области (ГБУВО ГАВО). — Ф. Р1166. — Оп. 2. — Д. 210, 254, 257, 261, 262, 266, 267, 268, 269, 279, 306, 320.
5. Карцхия А. Правовые вопросы персональных пенсий по старости // Вопросы социального обеспечения. — 1968. — Вып. 2. — С. 66–72.
6. Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. — 1992. — № 2-3. — С. 45–61.
7. Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. — 1928, 31 марта. — С. 1.
8. Об усиленных пенсиях : декрет СНК РСФСР от 5 дек. 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1921. — № 80. — Ст. 697.
9. О пенсионном обеспечении учителей школ 1 ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне : постановл. ЦИК СССР, СНК СССР от 15 янв. 1925 г. // Собрание законов СССР. — 1925. — № 3. — Ст. 32.
10. О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабоче-Крестьянской Революцией : декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1920. — № 66. — Ст. 300
11. О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой : декрет СНК РСФСР от 16 февр. 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1923. — № 15. — Ст. 198.
12. О персональных пенсиях : постановл. ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Собрание законов СССР. — 1928. — № 35. — Ст. 315.
13. О порядке возбуждения местными органами и учреждениями ходатайств о назначении персональных пенсий и единовременных пособий : циркуляр НКТ СССР от 25 окт. 1923 г. № 125/103 // Известия НКТ СССР. — 1923. — № 9/33.
14. О порядке урегулирования расчетов с лицами, получающими персональные пенсии на основании постановления СНК от 16 февраля 1923 г. : циркуляр НКТ РСФСР № 68/1416, НКСО РСФСР № 14 от 21 февр. 1925 г. // Известия НКТ СССР. — 1925. — № 14.
15. Осипов С. Л., Осипова Е. С. Управление единой системой тарификации пенсий // Социальное и пенсионное право. — 2012. — С. 36–39.
16. Положение о научных работниках высших учебных заведений : декрет СНК РСФСР от 21 января 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1924. — № 7. — Ст. 44.
17. Салтыков К. М. — М. П. и П. Н. Петровским. Пенза. 8. III. 25 г. // Салтыков К. М. Пенза — Петербург : статьи, заметки, письма, воспоминания. — Пенза : Пенз. обл. б-ка им. М. Ю. Лермонтова, 2016. — 134 с.
18. Сивакова И. В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. — 1928 г.). — М. : Проспект, 2021. — 208 с.
19. Федосеева Н. Н. Государственный контроль в системе функций современного Российского государства // Государственная власть и местное самоуправление. — 2010. — № 1. — С. 30–33.

References

1. Barabash A. S. The place and role of the principle in Russian criminal procedure. *Rossiyskiy yuridicheskiy journal*. 2018, no. 2, pp. 68–84 (In Russian).
2. Bratanovskaya M. S. Legal organization of social security management in the USSR in the pre-war period (1918–1941). *Istoriya gosudarstva i prava*. [History of the state and law]. 2010, iss. 19, pp. 5–9. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)*, F. A413, Op. 1, D. 5; F. A413, Op. 7, D. 20; F. A539, Op. 3, D. 246, 304, 477, 4234; F. A539, Op. 5, D. 33; F. R3316, Op. 31, D. 260; F. R5528, Op. 1, D. 2; F. R5528, Op. 2, D. 16. [State Archives of the Russian Federation (GARF), F. A413, Op. 1, D. 5; F. A413, Op. 7, D. 20; F. A539, Op. 3, D. 246, 304, 477, 4234; F. A539, Op. 5, D. 33; F. R3316, Op. 31, D. 260; F. R5528, Op. 1, D. 2; F. R5528, Op. 2, D. 16]. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GBUVO GAVO)*, F. R1166, Op. 2, D. 210, 254, 257, 261, 262, 266, 267, 268, 269, 279, 306, 320. [State Archives of Vladimir Region (GBUVO GAVO), F. R1166, Op. 2, D. 210, 254, 257, 261, 262, 266, 267, 268, 269, 279, 306, 320]. (In Russian).

5. Kartshiya A. Legal issues of personal old-age pensions. *Voprosy sotsialnogo obespecheniya*. [Issues of social security]. 1968, iss. 2, pp. 66–72. (In Russian).
6. Matthews M. Formation of the system of privileges in the Soviet Union. *Voprosy istorii*. [Issues of history]. 1992, iss. 2-3, pp. 45–61. (In Russian).
7. Nagovitsyn I. Social security in the RSFSR. *Izvestia*. [The News]. 1928, March 31, p. 1. (In Russian).
8. On increased pensions: decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 5, 1921. *Sobraniye uzakoneny RSFSR*. [Collection of laws of the RSFSR]. 1921, iss. 80, art. 697. (In Russian).
9. On pension provision for teachers of first-level rural and urban schools and other educational workers in the village: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of January 15, 1925. *Sobraniye zakonov SSSR*. [Collection of Laws of the USSR]. 1925, iss. 3, art. 32. (In Russian).
10. On pensions for individuals with special merits to the Revolution of Workers' and Peasants': Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 16, 1920. *Sobraniye uzakoneny SSSR*. [Collection of Laws of the RSFSR]. 1920, iss. 66, art. 300. (In Russian).
11. On personal pensions for individuals with exceptional merits before the Republic: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of February 16, 1923. *Sobraniye uzakoneny SSSR*. [Collection of Laws of the RSFSR]. 1923, iss. 15, art. 198. (In Russian).
12. On personal pensions: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of May 30, 1928. *Sobraniye zakonov SSSR*. [Collection of Laws of the USSR]. 1928, iss. 35, art. 315. (In Russian).
13. On the procedure for local bodies and institutions to initiate petitions for the awarding of personal pensions and single-time benefits: circular of the People's Commissariat of Labor of the USSR of October 25, 1923, iss. 125/103. *Izvestiya NKT SSSR*. [Bulletin of the People's Commissariat of Labor of the USSR]. 1923, iss. 9/33. (In Russian).
14. On the procedure for payments to persons awarded personal pensions on the basis of the resolution of the Council of People's Commissars of February 16, 1923: circular of the People's Commissariat of Labor of the RSFSR No. 68/1416, NKSO RSFSR No. 14 of February 21, 1925. *Izvestiya NKT SSSR*. [Bulletin of the People's Commissariat of Labor of the USSR]. 1925, iss. 14. (In Russian).
15. Osipov S. L., Osipova E. S. Management of the unified pension pricing system. *Socialnoe i pensionnoe pravo*. 2012, pp. 36–39. (In Russian).
16. Regulations on scientific workers of higher educational institutions: decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 21, 1924, *Sobraniye zakonov RSFSR*. [Collection of Laws of the RSFSR]. 1924, iss. 7, art. 44. (In Russian).
17. Saltykov K. M. to M. P. and P. N. Petrovsky. Penza, 8. III. 25. *Saltykov K. M. Penza — Peterburg: statyi, zametki, pisma, vospominaniya*. [Saltykov K. M. Penza — Petersburg: articles, notes, letters, memoirs]. Penza, Penza Regional Library named after M. Yu. Lermontov, 2016, 134 p. (In Russian).
18. Sivakova I. V. *Pensionnoye zakonodatelstvo v Rossii v sovetskiy period (1917 g. 1928 g.)*. [Pension legislation in Russia in the Soviet period (1917 — 1928)]. Moscow, Prospekt, 2021, 208 p. (In Russian).
19. Fedoseeva N. N. State control in the system of functions of the modern Russian state. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2010, no. 1, pp. 30–33. (In Russian).

Информация об авторе

Капустина Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области.

Сфера научных интересов: история советского пенсионного обеспечения, история персонального пенсионного обеспечения.

Information about the author

Kapustina Olga Vladimirovna — Candidate of History Sciences, Deputy Head of the Department for advance work in Vladimir Region Branch of the Russian Federation Pension and Social Insurance Fund.

Research interests: history of Soviet provision of pensions, history of personal/merit pensions.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 28.09.2024; accepted for publication 16.12.2024.